

О проблеме общечеловеческих ценностей*

© 2020 г. К.Х. Момджян

*Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.*

E-mail: karm48@mail.ru

Поступила 11.09.2019

Статья посвящена анализу общечеловеческих ценностей, под которыми понимаются мотивационные предпочтения, присущие всем людям независимо от этнических, социальных, профессиональных, конфессиональных и прочих различий между ними. Ценности рассматриваются как важнейший элемент мотивации, обеспечивающей свободу выбора поведенческих реакций на испытываемые влечения. Ценности определяют критерии мотивационного выбора, позволяющие отличать «лучшее и желательное» для человека от «худшего и нежелательного» для него. Основой такого выбора являются объективные цели жизни (предполагающие сохранение ее факта и/или качества) и конкретизирующие их потребности общественного человека. Автор выделяет три уровня ценностной мотивации, первым из которых являются исторически неизменные базисные «ценности как цели», в основе которых лежит рефлексия потребностных состояний, учитывающая важное различие между удовлетворением потребности и ее депривацией. Второй уровень ценностной мотивации представлен исторически изменчивыми «ценностями по выбору», в основе которого лежит рефлексия потребностных предпочтений – ранжирование потребностей, их деление на первостепенные и второстепенные, подлежащие и не подлежащие удовлетворению. Третий уровень ценностной мотивации представлен исторически вариативными «ценностями как средствами», в основе которых лежат ценностные предпочтения, связанные с ранжированием человеческих интересов, выбором средств и способов удовлетворения потребностей.

Ключевые слова: человек, деятельность, субъект, объект, сознание, мотивация, свобода воли, выбор, потребности, интересы, ценности, цели.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–3–25–41

Цитирование: *Момджян К.Х.* О проблеме общечеловеческих ценностей // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 25–41.

* Текст подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 18–011–01097 «Социальная теория и власть: современная российская перспектива», проект № 18–011–00980 «Социальная эволюция и прогресс как категории номотетического познания».

Подготовка текста проходила в рамках деятельности ведущей научной школы МГУ им. М.В. Ломоносова «Трансформация культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

On the Problem of Universal Values*

© 2020 Karen Kh. Momdzhyan

*Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovsky av., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.*

E-mail: karm48@mail.ru

Received 11.09.2019

The article is devoted to the analysis of universal values, which are understood as the motivational preferences inherent in all people, regardless of ethnic, social, professional, religious and other differences between them. Values are considered as the most important element of motivation, providing freedom of choice of behavioral reactions to the tested cravings. Values determine the criteria for motivational choice, allowing to distinguish between “the best and the desired” for a person from the “worst and undesirable” for him. The basis of this choice is the objective goals of life (involving the preservation of its fact and / or quality) and specifying their needs of the social person. The author identifies three levels of value motivation, the first of which are historically unchanged basic “values as goals”, which are based on reflection of need states, which takes into account the important difference between the satisfaction of a need and its deprivation. The second level of value motivation is represented by historically changeable “optional values”, which is based on the reflection of need preferences – the ranking of needs, their division into primary and secondary, subject to and not to be satisfied. The third level of value motivation is represented by historically variable “values as means”, which are based on the value preferences associated with the ranking of human interests, the choice of means and ways to meet needs.

Keywords: Man, activity, subject, object, consciousness, motivation, freedom of will, choice, needs, interests, values, goals.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–3–25–41

Citation: Momdzhyan, Karen Kh. (2020) «On the problem of universal values», *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2020), pp. 25–41.

1. Постановка проблемы

Проблема ценностей всегда была в центре внимания философов, многие из которых считали ее предметообразующим основанием философской теории¹. Катализатором особого интереса к этой проблеме стали интеграционные процессы современной истории, которые выдвинули на первый план вопрос об **общечеловеческих ценностях**, вызывающий острые споры между сторонниками и противниками глобализации.

Первые убеждены в существовании таких ценностей, рассматривая их как важный фактор, стимулирующий развитие человечества «в направлении целостности», создающий духовную основу для практической интеграции стран и народов. Вторые

* The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 18–011–01097 “Social Theory and Power: A Modern Russian Perspective”, Project № 18–011–00980 “Social Evolution and progress as a category of nomothetical cognition”.

The article was prepared within the framework of the leading scientific school Lomonosov Moscow State University “Transformation of Culture, Society and History: Philosophical and theoretical reflection”.

отрицают существование универсальных ценностей, что позволяет им ставить под сомнение объективный характер глобализации. Под маской исторически необходимого процесса, полагают критики, скрывается банальный глобализм – своекорыстное стремление стран западного мира навязать свой образ жизни всему человечеству, произвести насильственную унификацию культур, выдав собственные предпочтения за общечеловеческие.

Рассуждения об общечеловеческих ценностях следует начать с терминологического уточнения, которое при всей своей очевидности не всегда учитывается участниками дискуссии. Речь идет о словосочетании «общечеловеческий», которое может пониматься по-разному в зависимости от того, какое из значений термина «общий», существующих в русском языке, имеет в виду.

В одном из этих значений общим называют **одинаковое**, основанное на референтных отношениях сходства, подобия и различия, которые существуют между несвязанными явлениями. К примеру, язык позволяет нам говорить об «общей слабости» людей, склонных к алкоголю, даже в том случае, когда они выпивают порознь, или рассуждать об «общих законах развития обществ», которые проявляют себя и в афинском полисе, и в феодальной Франции, и в современной России.

В другом значении термина общим называют **единое (целое)**, создаваемое **связью** объектов, т. е. согласованностью их изменений, при которой смена свойств и состояний одного из них сказывается на свойствах и состояниях другого. В этом контексте мы говорим об «общем деле», которое объединяет людей, осуществляющих совместную скоординированную деятельность.

Очевидно, что оба значения интересующего нас термина качественно отличны и нередко противоречат друг другу. Достаточно вспомнить, что схожие цели людей нередко ведут к конкуренции, порождающей не единство, основанное на взаимодействии, а конфликтное противодействие (как это происходит с двумя противоборствующими армиями, имеющими одинаковую цель – победить на поле боя). С другой стороны, различие между «схожим» и «единым» не является абсолютным: одинаковые интересы и цели способны побуждать людей к объединению, заставляют их координировать свои усилия, в результате чего «схожее» превращается в «общее». Такого рода трансформацию имел в виду К. Маркс, когда рассуждал о превращении «класса в себе», состоящего из не связанных между собой людей, находящихся в одинаковой жизненной ситуации, в совместно действующий «класс для себя».

Учитывая сказанное, мы должны признать, что под одной и той же рубрикой «общечеловеческие ценности» скрываются две самостоятельные, не совпадающие друг с другом группы проблем. Первая из них касается наличия или отсутствия у людей, принадлежащих к разным этническим, социальным, политическим, конфессиональным и прочим группам, **одинаковых** ценностных предпочтений. Вторая группа вопросов касается уже не схожих, а **единых** человеческих ценностей – интегральных предпочтений, выступающих как мотиваторы совместной активности.

Очевидно, что весь комплекс этих проблем не может быть рассмотрен в рамках настоящей статьи, в которой «общечеловеческими» будут именоваться **схожие ценности**, одинаковые у всех представителей человеческого рода. Чтобы доказать сам факт их наличия, следует понять природу ценностей, дать концептуально обоснованную трактовку интересующего нас феномена. Это представляется непростой задачей, если учесть тот «методологический хаос», который, по справедливому замечанию В.К. Шохина, «царит в дефинициях самого понятия ценности» [Шохин 2006, 11].

2. Ценности в структуре субъект-объектного опосредования

Чтобы понять природу ценностей, мы должны установить их **место** в структуре деятельности и их **роль** в процессе ее осуществления. Я начну с наиболее абстрактных характеристик, фиксирующих место ценностей в структуре простейшей из форм

деятельности – **социального действия**, которое образуется воздействием субъекта на объект, не опосредованным напрямую взаимодействием субъектов между собой.

Ограниченный объем настоящей статьи не позволяет мне уделить специальное внимание спекулятивным точкам зрения, ставящим под сомнение «валидность субъект-объектной парадигмы» для современной социальной философии. Не отвлекаясь на полемику с подобными идеями, основанными на самых экзотических трактовках субъект-объектного опосредования, напомним ряд исходных определений.

Субъектом называют активную сторону социального действия, которая инициирует его и контролирует его ход. Статус субъекта задается двумя взаимосвязанными факторами. Первый – способность к **целеполагающей активности**, которая отличается от целесообразной активности биологических систем наличием абстрактно-логического, вербально-понятийного мышления и свободной воли (способность выбирать поведенческие реакции на безальтернативные влечения). Второе – **самоцельность** как способность направлять целеполагающую активность на удовлетворение **собственных**, имманентных субъекту потребностей, интересов и целей.

Объектом я называю пассивную, инициируемую сторону действия, на которую направлена активность субъекта. Важно понимать, что пассивность объекта определяется не физическим бездействием, а неспособностью ответить на целеполагающее воздействие субъекта идентичной по типу активностью – в этом плане физическая активность лошади, везущей всадника, не меняет ее статуса неспособного к целеполагающей деятельности и в силу этого пассивного объекта.

Ограничимся этими простейшими характеристиками, оставляя в стороне множество проблем, связанных с неконтрадикторным различием субъекта и объекта, которые находятся в сложных отношениях онтологической взаимоположенности (см.: [Момджян 2013]). В настоящий момент диалектика субъекта и объекта интересует нас в связи со «структурной пропиской» ценностей, их принадлежностью к той или иной из сторон субъект-объектного опосредования.

Начнем с того, что мы не можем рассматривать ценности как самостоятельный структурный компонент действия, отличный от субъекта и объекта, связанных между собой, поскольку никаких иных **частей** (отличных от свойств и состояний) социальное действие не имеет. Соответственно, нам предстоит выбор из трех возможных точек зрения, существующих в научной литературе.

Согласно **объектной** трактовке ценностью считают предмет, способный удовлетворять любую из человеческих потребностей. Подобное понимание не пользуется популярностью среди философов, однако она принята в классической политэкономии, рассматривающей полезную для человека вещь в качестве «потребительской ценности» (в современных редакциях – «стоимости»). Эта же трактовка принята в законодательстве (примером чему может служить недавно принятый закон РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей»). Наконец, она характерна для повседневной речи (вспомним объявления в бассейнах или банях с призывом «сдавать ценности на хранение администрации»).

Другая трактовка ценности, которую можно назвать **реляционной**, исходит из того, что ценностью является не сама вещь, а ее полезность для человека. Объект с этой точки зрения **обладает** ценностью, но не **является** ею, выступая стороной субъект-объектного отношения значимости (подходимости), которое формирует ценность. Именно так понимали ее многие философы и психологи (к примеру, Х. фон Эренфельс, считавший, что «...ценность – это отношение между объектом и субъектом, выражающее то, что субъект желает объект фактически или желал бы его, даже не будучи убежден в его существовании» [Ehrenfels 1897, 65]).

Наконец, **субъектная** трактовка рассматривает ценность как явление, присущее исключительно субъекту, имманентное его сознанию. В одном случае ценность понимается как **представление** о полезности объекта, отличное от его объективной полезности². При другом подходе (которого придерживаюсь я сам) ценность перестает быть

психическим инобытием объекта и выступает как **компонент человеческой мотивации** – предпочтение, связанное с выбором желаемых целей человеческого существования в мире.

Такой подход окончательно «распредмечивает» феномен ценности, проводя отчетливую грань между идеальными влечениями человека и предметно-организационными реалиями, выступающими как **объекты ценностного предпочтения**. Последние образуют **мир благ**, представляющий собой объективацию имманентных сознанию ценностей. Важно понимать, что безопасность или свобода, имеющие экстернатальный по отношению к человеческой психике характер, суть блага, а не ценности. Ценностью является **мотивационный выбор** в пользу этих благ, воспринимаемых как желаемые для человека.

Для обоснования такой трактовки мы должны перейти от простейших структурных определений ценности к выяснению их роли в целеполагающей активности людей. Я исхожу из того, что ценности выступают как важнейший фактор человеческой **мотивации**, представляющей собой одну из четырех функций нашей психики.

3. Феномен мотивационного выбора

В предыдущих публикациях я излагал точку зрения, согласно которой психика человека осуществляет четыре главные задачи – ориентационную, мотивационную, проектную и реактивную. Этот набор отличает психику человека от психики животных, которая ограничена решением только двух задач – ориентационных и реактивных (см.: [Момджян 2017; Момджян 2018]).

В настоящий момент меня интересует **мотивационная функция** психики, которая состоит в оценке возможных поведенческих реакций на испытываемые влечения, ранжировании этих влечений и стоящих за ними потребностей, их делении на приоритетные и неприоритетные, подлежащие или не подлежащие исполнению. Так понятая мотивация, позволяющая **выбирать** реакции на воздействия внешней и внутренней среды, по моему убеждению, присуща лишь человеку, проявляясь в психике животных лишь в самой зачаточной форме.

С этим утверждением не согласны многие психологи, аргументируя свое несогласие разными способами. Часть специалистов безмерно расширяет понятие мотивации, считая мотивом «любую причину, вызывающую ту или иную реакцию животных и человека» [Ильин 2002, 16]. Другие психологи связывают мотивацию со способностью к произвольным действиям³, основанным на поведенческом выборе, однако приписывают эту способность не только людям, но и представителям животного мира. Я полагаю, что эта точка зрения основана на неточном понимании природы **выбора** как такового. Достаточным признаком последнего считают способность высших животных к пластичному поведению, возможность **варьировать** как способы удовлетворения своих влечений, так и предпочтительность последних (что происходит при одновременной актуализации нескольких нужд, порождающей т. н. «борьбу мотивов»).

Не соглашаясь с подобным пониманием, я полагаю, что выбор в собственном смысле слова невозможен без осознанной оценки поведенческих альтернатив, свободной от каузальной предопределенности. Вариативность исходов, наличие некоторого «веера возможностей» есть необходимый, но недостаточный признак выбора. Принципиально важно, чтобы реализация одного из возможных вариантов осуществлялась не в силу спонтанного стечения обстоятельств, неконтролируемых психикой, а в результате «свободного волеизъявления», не зависящего от принудительных воздействий со стороны внешних и внутренних по отношению к психике детерминант. В противном случае мы получаем вариативность без выбора, простейшим проявлением которой может служить кубик, способный упасть на любую из своих граней, но лишенный возможности выбирать между ними. Конечно, ситуация с животными, обладающими имманентной активностью, отличной от экстернатального движения, вызываемого внешними

толчками, неизмеримо сложнее. Но и в этом случае вариативность поведенческих акций не тождественна свободному выбору, лишенному внеспсихической и внутриспсихической предестинации.

Такой свободный выбор (а несвободным выбор не может быть по определению) явно отсутствует в поведении животных. Мы не вправе говорить, что животное, испытывающее одновременно пищевое и половое влечение, «свободно выбирает» между ними. В действительности, как показывают исследования, поведение животного определяется спонтанной комбинацией внеспсихических и внутриспсихических факторов, которые оно не может осознанно контролировать и произвольно изменять. Решающее значение при этом имеет интенсивность влечения, поддающаяся лабораторным измерениям, которая заставляет животное следовать наиболее сильному из позывов.

Фундаментальной основой любой самой «нетривиальной» биологической активности (к примеру, «альтруистического» поведения крыс) являются рефлексы, по определению несовместимые с осознанным выбором вариантов поведения. Как справедливо отмечает Е.П. Ильин, «...за животное “думают” условные рефлексы, инстинкты, а направленность и целесообразность реагирования определяются целью рефлекторно» [Ильин 2002, 17].

Образ жизни человека, напротив, непредставим без наличия свободной воли, позволяющей сознанию работать в режиме субстанциальной самоиндукции, который качественно отличается от роли «неполномочного посредника» между стимулами и реакциями. Сознание как совокупность психических реакций, специфичных для человека разумного, имеет своим субстратом биохимические процессы головного мозга, однако не сводится к ним. Оно способно порождать новые причинные ряды, свободные от нейронной предестинации, источником которых является сфера «чистой идеальности», не редуцируемая к своей субстратной основе.

Как следствие реакция человека на испытываемые безальтернативные влечения не предопределяется характером и силой последних. Это значит, что у «человека вообще», обладающего интеллектуальной и волевой вмняемостью, отсутствуют безальтернативные паттерны поведения. У него нет состояний психически непереносимого голода, непреодолимого полового влечения, парализующего страха и др., которые не могли бы блокироваться рассудочной мотивацией или мотивами должностования.

Таким образом, субстанциальная специфика человека проявляется в способности к **мотивационной экспертизе поведения**, в основе которой лежат оценочные представления о том, что человек признает «лучшим» и «худшим» в окружающем и охватываемом нас мире. Именно они образуют **систему ценностных предпочтений**, выступающих как критерии мотивационного выбора (фундирующего проектную функцию психики, о которой будет сказано ниже).

Пока же перейдем к анализу системы ценностных предпочтений и обоснованию их универсального общечеловеческого характера. Может показаться парадоксом, но система ценностей, посредством которых реализуется свобода нашей воли, обуславливается объективными факторами деятельности, которые ограничивают эту свободу. Речь идет прежде всего об **объективных целях** человеческого существования и связанных с ними **потребностях**.

4. Объективные факторы мотивации как основа ценностных предпочтений

В отличие от субъективных целей человека, представляющих собой ментально спроектированные образы желаемого результата, объективные цели выступают как инстинктоподобные (по терминологии А. Маслоу) **влечения к самоподдержанию и самосохранению**, которые человек разделяет со всеми живыми организмами, наделенными энтелехией – той внутренней энергией существования, о которой говорил еще Аристотель. Такое генетически заданное влечение предполагает решение двух связанных, но не совпадающих задач.

Первой из них является сохранение **факта жизни**, а второй – сохранение и улучшение ее **качества**. И люди, и животные стремятся не только выжить в среде существования, но и сделать жизнь наиболее комфортной путем «минимизации страданий» и «максимизации удовольствий», доставляемых жизнью (Эпикур). Качественное отличие человека связано лишь с тем, что объективные цели существования не автоматизируют его активность. Не будучи в состоянии элиминировать эти цели, «отменить» их принудительное воздействие на поведение, человек способен выбирать между предзаданными влечениями, устанавливать их приоритетность посредством мотивационной экспертизы.

Такая свобода, конечно же, не является абсолютной, поскольку объективные цели существования вынуждают человека в любой из жизненных ситуаций стремиться к тому, что он считает «лучшим» для себя, исключая стремление к «худшему» как самоцели. Это правило имеет универсальный характер, распространяясь на все поведенческие акты, включая сюда разнообразные формы самоограничения и самонаказания и даже суицидальные акты, когда человек рассматривает самоубийство как «лучший из выходов», защищающий от опасностей, «худших, чем смерть» («эгоистический тип» самоубийства по Дюркгейму), или считает благом пожертвовать жизнью ради более важной, чем биологическое выживание, цели («альтруистический тип»).

С другой стороны, именно объективные цели задают наиболее общие критерии, позволяющие отличить «лучшее и желательное» для человека от «худшего и нежелательного» для него, то есть фундируют собой ценностные приоритеты людей, возводя в ранг **желаемого блага** все, что способствует сохранению факта и качества жизни.

Это воздействие осуществляется через систему промежуточных детерминант, каковыми являются **потребности** человека. Последние конкретизируют собой объективные цели жизни, задают те «правила игры», без исполнения которых инстинктоподобные влечения человека не могут быть удовлетворены «технически».

Теме потребностей был посвящен целый ряд моих публикаций (см., напр.: [Момджян 2015a]), что позволяет ограничиться теперь самыми краткими определениями. Под потребностью я понимаю свойство всякой живой системы испытывать необходимость в условиях, необходимых для самосохранения и самоподдержания в среде. Человеческая потребность, соответственно, рассматривается как **объективно-реальное свойство социального субъекта**, отличное, с одной стороны, от своих психических проекций (ощущений, стремлений и желаний, порождаемых потребностью в человеческой психике), а с другой – от удовлетворяющих ее объектов, выступающих в качестве **предмета потребности**. Не менее важным является отличие потребности от опосредующего ее **интереса**, который представляет собой внепсихическое свойство социального субъекта нуждаться в том, что необходимо для создания, хранения и использования предмета потребности.

Важно понимать, что потребности становятся непосредственной причиной социальных действий лишь тогда, когда актуализируются до **состояния нужды**, которая требует своего немедленного удовлетворения и тем отличается от предшествующего (и последующего) состояния «спокойной», уже удовлетворенной потребности.

Как бы то ни было, именно потребности определяют номенклатуру благ, обеспечивающих факт и качество жизни, к которым человек вынужден стремиться в силу своей психофизиологической и социокультурной организации. Соответственно, реестр человеческих ценностей, как мы увидим ниже, всецело определяется типологией человеческих потребностей: у человека нет, не было и не будет ни одной базовой ценности, в основе которой не лежала бы одноименная потребность. Впрочем, для доказательства этого тезиса следует определить само понятие «базовых ценностей», образующих первый из трех уровней сложноструктурированной системы ценностных предпочтений.

5. Базовый уровень ценностной мотивации

В основе базовых ценностей лежит рефлексия потребностных состояний, где «лучшим и желательным» признается удовлетворенная потребность, а худшим и нежелательным – ее депривация. Базовая ценность представляет собой мотивационное предпочтение в пользу такого удовлетворения (стремление сохранить жизнь, стремление быть здоровым, свободным), в то время как желаемый результат действия (длящаяся жизнь, здоровье или свобода) представляют собой **блага**, выступающие как объективация ценностей.

Важно понимать, что именно базовые ценности обладают исторической неизменностью и одинаковы у всех представителей человеческого рода. Причиной этой универсальности является родовая природа человека, в основе которой лежат видоспецифические (т. е. присущие всем представителям нашего вида) потребности. Я исхожу из убеждения в том, что все люди имеют одинаковые исторически неизменные потребности⁴, все люди безальтернативно стремятся к их удовлетворению, рассматривая удовлетворенную потребность как благо, не имеющее мотивационных альтернатив.

Это не значит, конечно, что человек не способен сознательно отказываться от удовлетворения той или иной потребности. Однако такой отказ нельзя интерпретировать как мотивационный **выбор** в пользу ее депривации. Такого выбора у человека в действительности нет. Депривация потребности никогда не является для него самоцелью, представляя собой жертвенный выбор в пользу другой потребности, которая отлична от неудовлетворяемой.

Это означает, что заключенный, объявивший голодовку, отказывается от еды не ради того, чтобы не есть, а ради того, чтобы добиться удовлетворения политических и других требований, которые фундированы потребностями, отличными от пищевой. В силу отсутствия мотивационных альтернатив уровень базовых ценностей не отличается исторической вариативностью, а их структура всецело совпадает со структурой видоспецифических потребностей человека⁵.

Характерно, что ученые, признающие наличие универсальных ценностей и стремящиеся классифицировать их, далеко не всегда понимают степень и характер их зависимости от потребностей человека. Примером может служить широко распространенная типология ценностей, созданная известным социальным психологом Шаломом Шварцем [Schwartz 1992; Schwartz, 1994]. Не отрицая достоинств этой схемы, используемой во многих экспериментальных исследованиях, я полагаю, что ее недостатком является отсутствие продуманного потребностного основания. Хотя автор именуется некоторые ценности человека «познанными потребностями», природа последних трактуется им неточно. В частности, автор не учитывает существенного различия между потребностями человека и его интересами, которое создает уровни ценностной мотивации, а именно важное классификационное различие между базовыми **ценностями как целями** и операциональными **ценностями как средствами** (о которых речь пойдет ниже)⁶.

Я полагаю, что основой последовательной классификации универсальных базовых ценностей может служить типология потребностей, предложенная А. Маслоу. Необходимо лишь дополнить эту схему рядом отсутствующих в ней нужд, имеющих статус потребности, а не интереса, а также освободить ее от идеи предзаданных субординационных связей, образующих иерархическую «потребностную пирамиду», не зависящую от воли людей и их свободного выбора⁷.

Ограниченный объем настоящей статьи позволяет назвать лишь универсальные базисные ценности человека, которые соответствуют присущим ему **дефициентным** и **бытийным** потребностям (первые из них связаны с сохранением факта жизни, а вторые – с поддержанием и совершенствованием ее качества).

Начнем с того, что важнейшей из дефициентных ценностей человека является мотивационный выбор в пользу **жизни**, стремление длить ее, оберегая себя (насколько это возможно) от смерти. В основе такого выбора лежит объективная цель самосохра-

нения и оформляющая ее дефициентная потребность в безопасности, предполагающая защиту от внешних и внутренних деструкций, угрожающих самому факту человеческого существования.

Я полагаю, что жизнь воспринимается человеком как желаемое благо несмотря на то, что порой она доставляет страдания, способные породить влечение к смерти. Страдающий человек воспринимает как зло не сам факт жизни – злом является ситуативное, выпавшее на долю страдальца качество жизни, о котором принято говорить: «Это – не жизнь». При этом влечение к смерти, воспринимаемой как меньшее из зол, возникает лишь тогда, когда угасает всякая надежда на жизнь, лишённую страданий.

Значимость жизни не утрачивается даже в том случае, когда человек предпочитает земному существованию предполагаемое «небесное блаженство» – в этом случае люди делают выбор не между жизнью и ее альтернативой – смертью, а между «неподлинной», по их убеждению, жизнью и жизнью, которую они воспринимают как настоящую.

Наконец, статус блага, присущий жизни, никак не противоречит способности человека жертвовать ею. Не станем забывать, что сам смысл жертвы заключается в отказе от чего-то ценимого людьми, а не безразличного им: любая жертва есть отказ от одного блага в пользу другого, обладающего для человека большей значимостью. В этом плане мотивационный выбор в пользу жизни относится к числу универсальных ценностей, безотнositельно к тому, отдают ли ей главенствующее место в системе мотивационных предпочтений.

Еще одной дефициентной ценностью человека является **влечение к безопасности**, которое порождается потребностью в защите от летальных угроз, обращенных на факт человеческой жизни. Конечно, отношение к опасности у разных людей может быть разным: одни стремятся избегать ее, другие, напротив, получают эмоциональное удовольствие от риска. Но это не значит, что стремление к опасности тождественно влечению к гибели и предполагает отказ от страховочных мер, обеспечивающих сохранность рискующего и наслаждающегося риском человека. Психически здоровые люди едва ли способны считать благом перманентный стресс, заставляющий вздрагивать от каждого шороха и просыпаться от ночных кошмаров.

Сложный комплекс ценностных предпочтений порождается **бытийными** потребностями человека, депривация которых нежелательна для него несмотря на то, что она ведет не к смерти, а к телесному или психическому дискомфорту.

Так, стремление человека к удовлетворению своих физиологических и психофизиологических потребностей создает мотивационное влечение к **здоровью**. Конечно, далеко не в каждой культуре это благо является безусловным приоритетом, подчиняющим себе прочие цели человеческой жизни. Глубоко верующие люди, как известно, порой отказывают себе в телесных удовольствиях и даже «умерщвляют плоть», но это не значит, что они считают самоценной неспособность человеческого тела осуществлять свои нормальные функции. Человек может истязать свое тело, чтобы «очистить душу страданием», но едва ли он рассматривает энурез или шизофреническое расстройство психики как желаемое благо.

К разряду универсальных бытийных ценностей относится уже упоминавшееся мотивационное влечение к **безопасности**, поскольку порождающая его потребность предполагает защиту не только от летальных угроз, но и от опасностей, обращенных на качество жизни (здоровье, имущество, социальный статус, достоинство, самоуважение и прочее). Комплексный характер потребности в безопасности вызывает ценностные различия, о которых будет сказано ниже.

Важнейшую ценностную мотивацию создает присущая человеку потребность в **любви**, которая порождает влечение к душевному комфорту, связанному с переживанием эмоциональной привязанности альтруистического типа. Нет культур, которые отрицали бы благо любви – с той оговоркой, что она предстает перед нами не только как любовь-вожделение («эрос»), но и как дружба («филия»), семейная нежность

(«сторгэ») и, наконец, как бескорыстная любовь к ближним («агапэ») или как любовь к Богу. Во всех этих случаях сохраняется способность к жертвенности, являющаяся родовым признаком любовного влечения, которое присуще каждому из людей, хотя и удовлетворяется разными, порой паллиативными, способами (нарциссизм, фетишизм и др.)⁸.

Еще одной базовой ценностью человека является мотивационное влечение к **общению**, в основе которого лежит «потребность в принадлежности» – надобность в душевном комфорте, который связан с эмоциональной причастностью человека к чему-то большему, чем он сам, обозначаемому местоимением «мы». Эта потребность имеет видоспецифический характер, хотя у разных людей возникает свое собственное комфортное для них «мы», которое может быть естественным и искусственным, реальным и воображаемым. Я убежден в том, что в человеческой истории не было культур, которые считали бы благом депривацию потребности в принадлежности, стремились бы к одиночеству (не путать с уединением!), отрицая ценность общения с реальными или гипостазированными субъектами.

Важное место в системе ценностной мотивации занимают предпочтения, связанные с потребностью в **признании**. Согласно А. Маслоу, речь идет о двух видах признания, имеющих разный источник – внутреннюю самореференцию и внешнюю оценку. В первом случае потребность в признании создает мотивационное влечение к **самоуважению**, порождает «желания и стремления, связанные с понятием “достижение”» [Маслоу 1999, 88–89]. Во втором случае возникает мотивационное влечение к **самоутверждению**, когда человек считает несомненным благом уважительное отношение со стороны окружающих⁹. Я убежден в том, что стремление к признанию является общечеловеческой ценностью, несмотря на разные способы его достижения, о чем будет сказано ниже.

Особое место в системе универсальных человеческих ценностей занимает мотивационное влечение к **свободе**, в основе которого лежит объективная человеческая потребность в самоопределении. Впрочем, далеко не все ученые убеждены в том, что каждый человек имеет такую потребность и воспринимает индивидуальную свободу как безусловное благо¹⁰. Опыт истории показывает, что многие люди с патерналистским менталитетом, страдающие от депривации жизнеобеспечивающих потребностей, безразличны к свободе, готовы «обменять» ее на гарантированное удовлетворение физиологических потребностей и столь же гарантированную безопасность.

Тем не менее свобода может и должна рассматриваться как универсальная общечеловеческая ценность при том условии, что мы различаем два вида свободы, издавна известные философам. **Внешняя свобода**, или свобода целереализации, представляет собой способность человека самостоятельно контролировать условия своей жизни и делать все то, что человек считает нужным делать. **Внутренняя свобода**, или свобода целепостановки, выступает как способность человека самостоятельно определять свои жизненные приоритеты и не делать то, что человек не считает нужным делать.

Я полагаю, что стремление к внешней свободе нельзя считать универсальным мотивационным влечением, чего не скажешь о свободе внутренней: насилие над собственной волей, попытки навязать чужие представления о «лучшем» или «худшем» болезненно воспринимаются любым человеком.

Еще одной универсальной ценностью я считаю мотивационное влечение к **справедливости**, в основе которого лежит одноименная потребность в соответствии между «даянием и воздаянием» – вкладом человека в общее дело выживания и развития и получаемой долей жизненных благ¹¹. Полагаю, что это влечение свойственно любому человеку, несмотря на разные трактовки справедливости и свойственное многим «асимметричное» ее понимание, когда требование справедливого отношения к себе превалирует над готовностью справедливо относиться к другим.

Перечисляя базовые ценности человека, нельзя не указать на мотивационное влечение к **самоактуализации**, которое порождается потребностью иметь и осуществлять

свое жизненное призвание, развивать способности и склонности, которые человек считает важнейшими для себя¹².

Не менее важное значение имеет мотивационное влечение к **познанию и осознанию** мира, в основе которого лежит потребность в обретении нового опыта¹³. Важно понимать, что информация нужна человеку не только как инструмент решения практических задач. В действительности она самоценна, нужна людям сама по себе. Человек стремится к обретению нового опыта безотносительно к степени его полезности, поскольку сам факт знания и понимания вызывает у него состояние душевного комфорта. Конечно, избыток знаний способен вредить человеку. Поэтому люди осознанно защищают себя от нежелательной информации (и дезинформации), но не от информации как таковой, являющейся условием выживания и комфортного существования в мире.

Наконец, еще одной важнейшей ценностью человека является мотивационное влечение к **красоте** – всему тому, что удовлетворяет эстетическую потребность человека в создании и/или переживании прекрасного. Конечно, следует помнить о том, что красота красоте – рознь: есть люди, безразличные к красоте, творимой искусством, но равнодушные к естественной (прежде всего, телесной) красоте, к тому же разным эпохам и народам присущи разные критерии прекрасного. Однако влечение к красоте представляется мне универсальной ценностью, видоспецифическим свойством человека.

Ограничим на этом нашу эскизную и заведомо неполную характеристику базисных ценностей человека. Неизменность последних, как уже отмечалось выше, не исключает исторической изменчивости мотивационных предпочтений, присущих разным людям, разным обществам, разным историческим эпохам и др. Попробуем кратко охарактеризовать исторически подвижные уровни ценностной мотивации, которые надстраиваются над базовыми ценностями, обладая вариативностью, не свойственной последним.

7. Вариативные уровни ценностной мотивации: «ценности по выбору» и «ценности как средства»

Фундаментальной основой ценностного многообразия является субстанциальная свобода человеческой воли, которая проявляет себя как способность субординировать: 1) объективно данные человеку потребности; 2) объективно данные человеку интересы, связанные со способами и средствами удовлетворения потребностей.

Соответственно, мы получаем два дополнительных уровня ценностной мотивации, которые надстраиваются над базисными ценностями человека. Первый из них представлен набором **«ценностей по выбору»**, в основе которого лежат субординационные связи между иерархически соподчиняемыми базовыми ценностями.

Говоря о системе «ценностей по выбору», мы исходим из того, что мотивация человека не ограничивается рефлексией **потребностных состояний**, но распространяется на его **потребностные предпочтения**. В этом случае человек осуществляет не квазивыбор между удовлетворенной и неудовлетворенной потребностью, а полноценный выбор между разными потребностями, удовлетворение одной из которых предпочитают удовлетворению другой.

Именно этим выбором определяются фундаментальные ценностные различия между людьми, объективация и социализация которых (различий) создает мировоззренческие отличия между обществами, цивилизациями и эпохами. В свое время Мопассан сравнивал людей с книгами, которые состоят из одних и тех же букв, соединенных в разной последовательности. То же самое можно сказать об исторически различных системах ценностной мотивации: в их основе лежит не разный **набор** ценностей, а разный способ их **иерархического соподчинения**, разный способ ранжирования ценностей и объективирующих их благ.

Первым шагом такого ранжирования является экзистенциальный выбор между фактом жизни и ее качеством, между дефицентными и бытийными потребностями

человека. В нормальной, не экстремальной ситуации ничто не мешает человеку считать «лучшим» для себя как сохранение факта жизни, так и поддержание ее качества (тем более, что первое является условием второго). Однако в ситуациях, словами Ясперса, «пограничных», когда нельзя одновременно сохранить и то и другое, человек способен отказаться от жизни, не отвечающей его представлениям о достойном существовании¹⁴.

Возможность такого выбора создает две не совпадающие системы «ценностей по выбору», одна из которых провозглашает высшим благом выживание в среде (в соответствии с известным тезисом царя Соломона о живой собаке, которая «лучше мертвого льва»), а вторая исходит из убеждения, что свобода человека, его достоинство и другие экзистенциальные блага котируются выше, чем сама жизнь. Мировоззренческие различия такого рода существуют не только между индивидами, их носителями могут быть большие социальные группы (в чем легко убедиться, сравнив т. н. «обывательскую мораль» с моралью воинских сословий, в которой ценность чести доминирует над ценностями выживания).

Следующий шаг в ранжировании человеческих потребностей связан с выбором **внутри** системы бытийных потребностей. Каждая из них предполагает обретение человеком душевного комфорта, который вызывается разнообразными жизненными «удовольствиями» (в самом широком смысле, когда «удовольствия» не сводятся к телесным радостям и включают в себя возможный отказ от них, «очищающий душу страданием»). К разряду так понятых удовольствий относятся радость жертвенной любви, бескорыстной дружбы, самоуважения, обретения истины, переживания красоты и т. д. Человек способен и нередко вынужден ранжировать эти блага, устанавливая ценностные приоритеты между ними, выбирая между профессиональной самореализацией и радостями семейной жизни, между истиной и дружбой и т. д., что создает дополнительные основания для мировоззренческих различий между носителями разных ценностных матриц.

Характерно, что объектом ценностного ранжирования являются не только разные потребности человека, но и разные модусы одних и тех же комплексных по своей природе потребностей. Примером может служить фундаментальная потребность в безопасности, которая предстает перед нами и как потребность человеческого организма, и как дефициентная потребность социального субъекта, связанная с защитой жизни от нефизиологических угроз, и как праксеологическая бытийная потребность, связанная с защитой здоровья, имущества, социального статуса и прочее, и как духовная потребность, связанная с защитой сознания от враждебных интервенций.

Характерно, что разные аспекты безопасности являются объектами ценностных предпочтений, которые могут конкурировать между собой в сознании людей, принадлежащих к разным странам и поколениям. К примеру, в работах Рональда Инглхарта хорошо показано, как мировоззренческий акцент на дефициентную безопасность, связанную с защитой факта жизни, конкурирует с акцентом на бытийную безопасность, связанную с защитой ее качества. Речь идет о «сдвиге в мироотношении и мотивациях», который «...проистекает из фундаментального различия между взрослением, когда оно сопровождается сознанием негарантированности выживания, и взрослением, которое сопровождается чувством, что выживание можно принять как должное» [Инглхарт 1997, 12]¹⁵.

Нетрудно видеть, что исторически вариативный уровень «ценностей по выбору» определяет различия между системами ценностного консенсуса, для обозначения которых Гегель использовал термины «дух народа» или «дух эпохи». Анализ таких систем не входит в задачи настоящей статьи¹⁶. Отвлекаясь от философско-исторической и культурологической проблематики, мы должны выделить еще один уровень ценностных предпочтений, объектом которых являются не потребности человека и порождающие их базовые ценности, а способы и средства удовлетворения человеческих нужд.

К примеру, способом удовлетворения одной и той же экзистенциальной потребности в самоутверждении могут быть и самоуничужение, и гордыня, и влечение к власти, и склонность к социальному эскапизму, и доктрина личностного роста (стратегия «быть» в терминологии Э. Фромма), и альтернативная стратегия «иметь», когда средством самоутверждения становится не саморазвитие человека, а доступ к благам, дефицитным в среде его общения.

Для фиксации подобных уровней различий в системе человеческих предпочтений П.А. Сорокин использовал словосочетания «ценность как цель» и «ценность как средство». К примеру, влечение к сохранению факта и качества жизни представляют собой «ценность как цель», которая порождает мотивационное влечение человека к оптимизации отношений с природной средой и создает систему несамостоятельных экологических «ценностей как средств»; стремление человека к сохранению здоровья превращает в объект ценностного предпочтения не только оптимальные состояния души и тела, но и медикаментозные и немедикаментозные средства и процедуры, используемые с этой целью.

В отличие от «ценностей как целей», устойчивость которых определяется неизменностью человеческих потребностей, «ценности как средства» обладают исторической изменчивостью, которая объясняется тем очевидным обстоятельством, что одна и та же надобность может удовлетворяться с помощью разных предметов потребности и опосредующих их предметов интереса. К сожалению, объем этой статьи не позволяет мне рассмотреть типологию подобных «ценностей как средств», связанную прежде всего с классификацией человеческих интересов (в рамках которой устанавливается различие между вещными, информационными, коммуникативными и организационными средствами удовлетворения потребностей).

Точно так же я не имею возможности сколь-нибудь глубоко анализировать причины, вызывающие существенные различия в вариативных уровнях ценностной мотивации. Замечу лишь, что эти причины могут меняться в зависимости от носителя ценностей. Если речь идет о мировоззренческих различиях между большими социальными группами, мы должны принять во внимание обстоятельства практической жизни образующих их людей, устойчивые и существенные особенности их «общественного бытия», которые повлияли на формирование доминирующих ценностных приоритетов. Эти приоритеты складываются неслучайно и не самопроизвольно, однако, возникнув, превращаются в долгосрочную доминанту, оказывающую мощное воздействие на практическую жизнь людей.

Говоря о ценностных различиях между отдельными людьми, занимающими схожие ролевые и статусные позиции в обществе, мы отвлекаемся от детерминационного воздействия социальной практики и не рассматриваем множество иных факторов, влияющих на индивидуальные ценностные предпочтения. Речь идет и о психофизиологических особенностях человека, формируемых генетически, и об особенностях психики, которые складываются в процессе сознательной жизни и зависят от личного опыта.

В частности, представления человека о «лучшем» и оформляющие их ценностные приоритеты могут иметь своим источником разные уровни мотивации, доминирующие в нашей психике. На первом уровне **эмоциональной мотивации**, критерием «лучшего» для человека является эмоционально приятное; на уровне **рассудочной мотивации**, где господствует не «принцип удовольствия», а «принцип реальности» (З. Фрейд), критерием «лучшего» становится практически полезное и осуществимое для человека; на высшем уровне **облигаторной мотивации**, который возникает у человека в результате интериоризации норм формирующей его культуры, критерием «лучшего» становится «должное», «достойное», «подобающее» человеку. Субординационные связи между этими уровнями специфичны для каждого человека и формируют устойчивые ценностные установки, которые отличаются у людей эмоциональных, рассудочных и следующих велению долга.

Впрочем, многообразие ценностных предпочтений определяется не только соотношением мотивационных уровней, но и их внутренней вариативностью. Люди обладают разными вкусами, разным пониманием вреда и пользы и, конечно же, разными представлениями о должном, которые распространяются как на конечные цели человеческого существования (область «ценностей как целей»), так и на выбор средств их достижения, где объектом ценностной экспертизы становятся способы достижения избранной цели.

Завершая настоящую статью, хочу особо подчеркнуть ту мысль, что и сходства, и различия между реально существующими ценностными иерархиями не должны рассматриваться как абсолютные. В этом плане формальное сходство ценностных предпочтений может нивелироваться фундаментальными различиями в их интерпретации – так, мировоззренческие доктрины, равно признающие ценность свободы, могут отличаться разным пониманием ее сути, форм и границ. С другой стороны, мировоззренческие системы, имеющие разные ценностные приоритеты, включают одинаковые ценности и не содержат тотальное табу на неприоритетные блага.

В этом плане ценностный выбор, ставящий самоуважение выше безопасности, совсем не обязан отрицать неприоритетную в ситуации экзистенциального выбора, но важную ценность последней. Точно так же носители антропоцентристского менталитета, считающие, что общество существует для человека, а не человек для общества, вполне способны признавать онтологическую реальность общественных интересов, которые не являются для них доминантой, но также должны приниматься во внимание.

Повторю еще раз – мировоззренческие различия между людьми объясняются не разным набором ценностей, который задан видоспецифическими потребностями людей, а способом соподчинения и ранжирования схожих ценностных установок, создающим **ценностные иерархии**. Именно по этой причине различие ценностных приоритетов не делает их носителей априори недоговороспособными и оставляет возможность сближения, постепенного формирования общих ценностей в ином значении термина «общий», обозначающем связь, а не сходство.

Примечания

¹ В частности, Вильгельм Виндельбанд понимал под философией «в систематическом (а не историческом) смысле критическую науку об общеобязательных ценностях». «Определением “наука об общеобязательных ценностях”, – писал Виндельбанд, – устанавливается предмет философии; определением “критическая наука” – ее метод» [Виндельбанд 1995, 39].

² Как утверждал известный экономист и политик дореволюционной России А.А. Мануйлов, «...ценность – продукт человеческого сознания, психологический факт: она зависит не от естественных свойств предмета, а от того, как эти свойства сознаются человеком. Предмет, не обладающий полезными свойствами или даже вредный, может, тем не менее, являться ценностью, если ему ошибочно приписывают полезные свойства» [Мануйлов 1903].

³ «Поведение, – полагает Е.П. Ильин, – в такой степени мотивированно, в какой оно носит произвольный характер» [Ильин 2002, 17].

⁴ Исключением из этого правила могут считаться некоторые физиологические потребности, связанные с различием возраста и пола.

⁵ Анализу последней посвящены мои специальные статьи, в которых предлагается субстанциальный принцип типологии потребностей, их деление на биологические и социальные, дефицитные и бытийные, практические и духовные, социальные и экзистенциальные. См.: [Момджян 2015б; Момджян 2015в; Момджян 2017а; Момджян 2017б].

⁶ К примеру, схема Шварца включает в число универсальных ценностей человека мотивационное влечение к власти, благожелательность, конформизм, традицию и проч. Я убежден, что все перечисленное представляет собой не базовые «ценности как цели», присущие всем без исключения людям, а вариативные «ценности как средства», которые фундированы не потребностями, а интересами определенного типа людей, использующих их как особое средство удовлетворения видоспецифических нужд.

⁷ Следует лишь учесть, что свободный выбор человеком своих приоритетных потребностей не исключает существования статистических закономерностей, согласно которым **большинство**

людей в **определенные периоды** человеческой истории считает одни потребности более актуальными, чем другие. Именно так следует понимать сформулированную Маслоу идею препотентности, согласно которой депривация жизнеобеспечивающих потребностей уменьшает значимость потребностей экзистенциальных.

⁸ «Истинная сущность любви, – писал Гегель, – состоит в том, чтобы отказаться от сознания самого себя, забыть себя в другом Я и, однако, в этом же исчезновении и забытьи впервые обрести самого себя и обладать самим собою» [Гегель 1940, 107]. Ту же позицию разделяет Маслоу: «...любовь на уровне Бытия – это постоянная, добровольная и полная самоотдача, в которой нет места оговоркам, тайным умыслам и расчетливости...» [Маслоу 1999, 374–375]. Я не использую расширительные трактовки любви в духе популярной теории Джона Алана Ли, выделяющего среди прочих ее форм любовь-игру («людус») – поверхностное влечение, целью которого является своекорыстное удовольствие [Lee 1973].

⁹ Следует отличать потребность в самоутверждении от несомоцельного организационного интереса, предметом которого является комфортное место в системах социального взаимодействия, связанное с разделением общественного труда и распределением его продуктов и условий. Потребность в самоутверждении, напротив, самоцельна, она связана с душевным состоянием человека, удовлетворенного или неудовлетворенного отношением к себе со стороны других людей.

¹⁰ Подобные сомнения испытывал, в частности, Маслоу, писавший: «Ключевой вопрос таков: неизбежно ли будет поработанный, подчиненный чужому господству человек чувствовать себя неудовлетворенным и стремиться к бунту? На основании общеизвестных клинических данных мы можем предположить, что люди, которые познали истинную свободу... не согласятся добровольно и беспрепятственно расстаться с ней. Но мы не можем быть уверены, что это справедливо и по отношению к тем, кто рожден в рабстве» [Маслоу 2008, 67].

¹¹ К числу таких благ относится все то, чего, словами Джона Ролза, рациональные индивиды не могут не желать: права и свободы, доходы и богатство, власть и возможности, а также социальные основы самоуважения (см.: [Ролз 2010, 267]).

¹² «Музыканты, – пишет Маслоу, – должны создавать музыку, художники должны писать картины, поэты – сочинять стихи, чтобы оставаться в согласии с собой. Человек должен быть тем, чем он может быть. Люди должны сохранять верность своей природе» [Маслоу 2008, 66].

¹³ Познание представляет собой стремление человека понять собственную логику бытия мира, которая не зависит от ценностных предпочтений субъекта. Осознание мира есть стремление оценить мир, соотнеся его с потребностями и интересами людей, обнаружить смысл своего существования в мире. «Потребность смысла жизни, – пишет К. Обуховский, – есть свойство индивида, обуславливающее тот факт, что без возникновения в его жизнедеятельности таких ценностей, которые он признает или может признавать сообщающими смысл его жизни, он не может правильно функционировать. Практически это означает, что в таком случае его жизнедеятельность не соответствует его возможностям, не направлена и негативно им оценивается» [Обуховский 2003, 99].

¹⁴ Такое суицидальное поведение, как уже отмечалось выше, не нарушает фундаментальный закон самосохранения, который предполагает не только биологическое выживание, но и сохранение идентичности человека, его свободы и самоуважения, защищаемых до последних секунд жизни.

¹⁵ Еще одной комплексной человеческой потребностью, допускающей разные ценностные интерпретации, является уже упоминавшаяся потребность в свободе, которая вызывает мировоззренческие различия между людьми, одни из которых готовы отказаться от свободы внешней, довольствуются свободой внутренней, а другие считают ценностным приоритетом весь объем свойственной человеку свободы.

¹⁶ Сорокина, который выводил все многообразие ценностных предпочтений из различия трех фундаментальных форм ценностного отношения к миру, которые он называл «сенсатным», «идеациональным» и «идеалистическим» менталитетами.

Источники и переводы – Primary Sources in Russian and Russian Translations

Виндельбанд 1995 – *Виндельбанд В.* Избранное. Дух и история. М.: Юрист, 1995 [Windelband, Wilhelm, Selected works (Russian Translation)].

Гегель 1940 – *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по эстетике. Книга вторая. Сочинения. Т. 13. М.: Соцэкгиз, 1940 [Hegel, Georg W.F. (1835–1838) *Vorlesungen über die Ästhetik* (Russian Translation)].

Мануйлов 1903 – *Мануйлов А.А.* Ценность // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 38. СПб.: Типография акц. Общества Брокгауз – Эфрон, 1903 [Manuilov, Aleksandr A. (1903), “Value”, *Encyclopedic dictionary Brockhaus and Efron*, Vol 38, Tipografia aktsionernogo Obshestva Brokgauz–Efron, Saint Petersburg (in Russian)].

- Маслоу 1999 – Маслоу А. Мотивация и личность. 2-е изд. СПб.: Евразия, 1999 [Maslow, Abraham (1954), *Motivation and Personality*, Harper & Row, New York (Russian Translation 1999)].
- Маслоу 2008 – Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008 [Maslow, Abraham (1954), *Motivation and Personality*, Harper & Row, New York (Russian Translation 2008)].
- Ролз 2010 – Ролз Дж. Теория справедливости. М.: Изд-во ЛКИ, 2010 [Rawls. John (1971) *A theory of justice*, Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts (Russian translation 2010)].
- Ehrensfels, von Ch. (1897) *System der Werttheorie*, Bd. 1. Leipzig.
- Lee, John A. (1973) *The colours of love: an exploration of the ways of loving*, New York, New Press.

Ссылки – References in Russian

- Ильин 2002 – Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002.
- Инглхарт 1997 – Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6–32.
- Момджян 2013 – Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества и истории. М.: Издательство Московского университета, 2013.
- Момджян 2015а – Момджян К.Х. Универсальные потребности и родовая сущность человека // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 3–14.
- Момджян 2015б – Момджян К.Х. К типологии человеческих потребностей. Статья 1. Вестник Московского государственного университета. Серия 7: Философия. 2015. № 4. С. 78–95.
- Момджян 2015в – Момджян К.Х. К типологии человеческих потребностей. Статья 2. Вестник Московского государственного университета. Серия 7: Философия. 2015. № 5. С. 77–90.
- Момджян 2017а – Момджян К.Х. К типологии человеческих потребностей. Статья 3. Часть 1. Вестник Московского государственного университета. Серия 7: Философия. 2017. № 1. С. 97–116.
- Момджян 2017б – Момджян К.Х. К типологии человеческих потребностей. Статья 3. Часть 2. Вестник Московского государственного университета. Серия 7: Философия. 2017. № 2. С. 99–112.
- Обуховский 2003 – Обуховский К. Галактика потребностей. СПб.: Речь, 2003.
- Шварц, Бутенко, Седова, Липатова 2012 – Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
- Шохин 1998а – Шохин В.К. Классическая философия ценностей: предыстория, проблемы, результаты. Альфа и Омега. № 17. М., 1998. С. 295–315.
- Шохин 1998б – Шохин В.К. Классическая философия ценностей: предыстория, проблемы, результаты. Альфа и Омега. № 18. М., 1998. С. 283–308.
- Шохин 2006 – Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006.

References

- Ilin, Evgeniy P. (2002) *Motivation and motives*, Piter, Saint Petersburg (in Russian).
- Inglehart, Ronald F. (1997) “Postmodernity: Changing Values and Changing Societies”, *Polis*, Vol. 4 (1997), pp. 6–32 (in Russian).
- Momdzhyan, Karen Kh. (2013) *Activity approach to analysis of human, society and history*, Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, Moscow (in Russian).
- Momdzhyan, Karen Kh. (2015) “Universal human needs and a generic human essence”, *Voprosi filisofii*, Vol. 2 (2015), pp. 3–14 (in Russian).
- Momdzhyan, Karen Kh. (2015) “To the typology of human needs. Article 1”, *Vestnik Moscovskogo Universiteta*, Seria 1, Filosofia, Vol. 4 (2015), pp. 78–95 (in Russian).
- Momdzhyan, Karen Kh. (2015) “To the typology of human needs. Article 2”, *Vestnik Moscovskogo Universiteta*, Seria 1, Filosofia, Vol. 5 (2015), pp. 77–90 (in Russian).
- Momdzhyan, Karen Kh. (2017) “To the typology of human needs. Article 3, Part 1”, *Vestnik Moscovskogo Universiteta*, Seria 1, Filosofia, Vol. 1 (2017), pp. 97–116 (in Russian).
- Momdzhyan, Karen Kh. (2017) “To the typology of human needs. Article 3, Part 2”, *Vestnik Moscovskogo Universiteta*, Seria 1, Filosofia, Vol. 2 (2017), pp. 99–112 (in Russian).
- Obuchowski, Kazimierz (2000) *Galaktyka potrzeb*, Zysk i Ska, Poznań (Russian Translation 2003).
- Schwartz, Shalom H. (1992) “Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries”, *Advances in experimental social psychology*, Vol. 25 (1992), Academic Press, New York, pp. 1–65.

Schwartz, Shalom H. (1994) "Are there universal aspects in the content and structure of values?", *Journal of Social Issues*, Vol. 50 (1994), pp. 19–45.

Schwartz, Shalom H., S., Butenko, Tatiana P., Sedova Darya S., Lipatova, Anna S. (2012) "A Refined Theory of Basic Personal Values: application in Russia", *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki*, Vol. 9 (№ 1) (2012), pp. 43–70 (in Russian).

Shokhin, Vladimir K. (1998) Classical philosophy of values: background, problems, results, *Alfa i Omega*, Vol. 17 (1998), Moscow, pp. 295–315 (in Russian).

Shokhin, Vladimir K. (1998) Classical philosophy of values: background, problems, results, *Alfa i Omega*, Vol. 18 (1998), Moscow, pp. 283–308 (in Russian).

Shokhin, Vladimir K. (2006) *Philosophy of Values and Early Axiological Thought*, Izdatelstvo RUDN, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

МОМДЖЯН Карен Хачикович –
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социальной философии
и философии истории философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова.

Author's Information

MOMDZHYAN Karen Kh. –
DSc in Philosophy, professor,
head of the Department of social philosophy,
Faculty of philosophy,
Lomonosov Moscow State University.